

АГРАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО СТРАН «ОБЩЕГО РЫНКА»

И. Д. Троценко

На фоне тысячелетней истории западноевропейского крестьянства период его существования в условиях «Общего рынка» составляет ничтожно малую величину. Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) стало функционировать с 1958 г., но единый сельскохозяйственный рынок («Зеленая Европа») фактически еще не был создан, и в течение ряда лет закладывались только основы единой сельскохозяйственной политики. Европейское крестьянство непосредственно стало ощущать воздействие аграрной интеграции лишь с лета 1963 г., когда начал работать механизм «Зеленой Европы», в частности, по мере введения единых закупочных цен ЕЭС на сельскохозяйственные продукты. Таким образом, возраст аграрной интеграции, которая оказывает большое воздействие на положение крестьянства стран «Общего рынка», насчитывает менее 15 лет. Однако во всей истории западноевропейского крестьянства не было другого такого периода, который был бы столь насыщен переменами в общественных отношениях, в методах организации производства, в экономических и других условиях жизни крестьянства, во всем его облике.

Бурный научно-технический прогресс в сельском хозяйстве, который в рамках «Общего рынка» еще больше ускоряется, новые методы концентрации производства, индустриализация сельскохозяйственного труда и невиданный отлив рабочей силы из деревни в город, усиление господства монополий — эти и другие процессы вызвали сложные социально-экономические потрясения в данной отрасли капиталистического производства. В системе «Общего рынка» внедрение технического прогресса в сельское хозяйство приобретает очень противоречивый характер. Присущие капитализму противоречия (между производительными силами и производственными отношениями, между монополиями и крестьянством и др.) в рамках аграрной интеграции еще более обостряются, поскольку усиливается конкуренция между членами сообщества, а обычные национально-государственные методы регулирования сельского хозяйства дополняются деятельностью наднациональных органов ЕЭС. При этом не всегда национальные методы регулирования сельского хозяйства полностью совпадают с требованиями руководящих органов ЕЭС. Это приводит к конфликтам, которые в конечном счете отражаются на положении сельскохозяйственных производителей. Как говорится в документах первой конференции коммунистических партий Европы по проблемам сельского хозяйства, состоявшейся в Париже в мае 1975 г., «Общий рынок» вопреки обещаниям не принес сельским труженикам улучшения их положения, не дал облегчения сельскому хозяйству в целом, а способствовал лишь расширению капиталистического обмена, увеличению конкуренции и концентрации, усилению ограбления монополиями трудового крестьянства. Аграрная интеграция еще больше усугубила

антикрестьянскую и антинародную политику, проводимую правительствами стран «Общего рынка»¹.

Аграрная политика стран «Общего рынка» серьезно преобразует производственную, социальную и иные стороны крестьянского хозяйства. В прежние времена характерной чертой крестьянства были стабильность и устойчивость; изменения в его положении формировались на протяжении многих десятилетий. Теперь же они совершаются бурными темпами и охватывают все стороны производства, быта, уклада жизни.

Как известно, с развитием капитализма ускорилось классовое расщепление крестьянства, выделение в нем различных социально-классовых групп. Анализируя материалы России начала XX в., а затем Германии и других западноевропейских стран, В. И. Ленин показал, что по социально-классовому положению крестьянство можно разделить на три основные группы: мелких, средних и крупных хозяев. Особо выделяются мельчайшие крестьяне, или полупролетарии, которые наряду с работой в своем хозяйстве трудятся также в качестве наемной силы на капиталистических предприятиях. Мелкие крестьяне имеют такие хозяйства, которые обеспечивают только потребности семьи, но не дают возможности осуществлять накопление и расширенное воспроизводство. В. И. Ленин подчеркивал, что вместе с полупролетариями и сельскохозяйственным пролетариатом мелкие крестьяне составляют большинство трудящихся деревни и что они заинтересованы в поддержке политики рабочего класса, ибо получают выгоды от победы пролетариата (избавление от долгов, арендной платы, повышение государственной помощи и т. д.). Средние крестьяне, кроме удовлетворения потребностей своей семьи, имеют еще возможность получать довольно устойчивые доходы, способные превращаться в капитал, хотя бы в урожайные годы. Типичной чертой середняцкого хозяйства начала века было довольно частое (примерно в одном хозяйстве из каждых двух-трех) применение наемной рабочей силы. В политическом плане В. И. Ленин подчеркивал неизбежность колебаний среднего крестьянства между пролетариатом и буржуазией. Крупные крестьяне, согласно ленинской характеристике, это капиталистические предприниматели в земледелии, которые получают постоянные накопления и ведут хозяйство на основе широкого применения наемного труда, они представляют собой самый многочисленный из буржуазных слоев и в политическом отношении являются противниками революционного рабочего класса².

В. И. Ленин показал, что при капитализме крестьянство состоит из различных социально-классовых групп, имеющих собственные интересы и по-разному относящихся к политической борьбе пролетариата. В то же время он подчеркивал, что в определенных условиях (например, в борьбе против пережитков феодализма) интересы всех прослоек крестьянства совпадают и крестьянство в целом выступает на стороне пролетариата. Следовательно, ленинское определение крестьянства раскрывает противоречивость этого слоя как участника политической борьбы: с одной стороны, крестьянство может выступать как класс, с другой — оно уже не является таковым и распадается на социально-классовые прослойки; с одной стороны, в объективной реальности имеются такие явления, которые пробуждают у всех прослоек крестьянства единый классовый интерес, а с другой — во многих случаях каждая прослойка крестьянства преследует собственные экономические и политические цели.

Эти черты крестьянства отчетливо проявляются и в политической борьбе, происходящей ныне в западноевропейской деревне. Поэтому в своей политической работе коммунисты учитывают возможность привле-

¹ «Рабочий класс и современный мир», 1975, № 4, стр. 185—190.

² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 169—182.

чения на сторону пролетариата как отдельных прослоек крестьянства, так и всего этого класса в целом, в зависимости от конкретных условий революционного движения. В разработанной В. И. Лениным стратегии и тактике политической борьбы рабочего класса в деревне нашла отражение диалектика положения крестьянства, определяющая его конкретное место как союзника рабочего класса на различных этапах борьбы за социалистическую революцию. Выводы В. И. Ленина зиждятся на глубоком экономическом анализе положения крестьянства как в целом, так и каждой его социальной прослойки в отдельности. Они сохраняют свое принципиальное значение и для характеристики роли и места крестьянства стран «Общего рынка» в политических выступлениях рабочего класса. Разумеется, при этом надо учитывать огромные изменения, вызванные развитием технического прогресса и государственно-монополистического капитализма в сельском хозяйстве. Не претендуя на исчерпывающее раскрытие этих изменений, остановимся только на наиболее существенных из них, имея в виду прежде всего социально-экономические последствия научно-технической революции в сельском хозяйстве для крестьянства и их влияние на положение его как союзника рабочего класса.

В современной буржуазной литературе распространены две на первый взгляд противоположные, а в действительности преследующие одинаковую цель точки зрения на последствия технического прогресса для крестьянства. Одна из них исходит из того, что в условиях массового внедрения в сельскохозяйственное производство новой техники, удобрений, электричества и т. п. крестьянин превращается в буржуазного предпринимателя, который не отличается от такого же предпринимателя в промышленности. Так, по мнению западногерманских экономистов Г. Мёринга и В. Хальбига, современный крестьянин как предприниматель «никаких существенных особенностей по сравнению с промышленным предпринимателем — кроме определенных специальных знаний — не имеет»². Благодаря этому-де в капиталистическом обществе стираются классовые грани и происходит его дальнейшая универсализация. Эта точка зрения призвана завуалировать тяжелые последствия технического прогресса для основной массы трудящегося крестьянства, преуменьшить степень его пролетаризации и разорения. Она принимает во внимание лишь одну сторону технического прогресса — его влияние на ломку старых патриархальных пережитков в деревне, полное утверждение в сельском хозяйстве буржуазных товарно-денежных отношений, рост удельного веса и значения крупных капиталистических предприятий, повышение роли буржуазно-предпринимательского начала в сельскохозяйственном производстве. Но при этом игнорируется, что наряду с превращением части владельцев хозяйств в буржуазных предпринимателей другая их часть (и к тому же гораздо большая) превращается в полупролетариев, которых нужда заставляет трудиться на капиталистических предприятиях, чтобы дополнить скудные доходы от сельского хозяйства. Значительное количество крестьян вообще вынуждено оставлять сельское хозяйство и переходить на работу в промышленность и другие отрасли экономики. Другая широко известная концепция буржуазных ученых, односторонне истолковывающая отказ значительного числа хозяйств от применения наемного труда, призвана доказать, что вместе с этим исчезает и капиталистический характер сельскохозяйственного производства, где будто бы утверждаются новые, неэксплуататорские отношения. Тем самым обосновывается идея декапитализации сельского хозяйства под воздействием технического прогресса, что, по мысли ее авторов, должно опровергнуть известное марксистское положение о наемном труде как главном показателе капитализма в земледелии.

² G. Möhring, W. Halbig. Buchführung in der Landwirtschaft. München—Bern—Wien. 1971, S. 5.

На самом же деле научно-техническая революция и процесс концентрации сельскохозяйственного производства сопровождаются, с одной стороны, усилением капиталистических элементов и ростом позиций крупного капиталистического производства, а с другой — массовым вытеснением и ухудшением экономического положения мелких и средних хозяйств. Однако такая характеристика, давая общую картину концентрации, еще не раскрывает особенностей ее современного этапа, ибо этот процесс вообще присущ капитализму: при нем концентрация в сельском хозяйстве всегда выражалась в развитии капиталистических предприятий за счет вытеснения мелкокрестьянского производства. Типичной чертой нынешнего этапа концентрации производства в сельском хозяйстве стран «Общего рынка» является то, что впервые за всю историю этой отрасли технической прогресс создал реальные предпосылки для массовой индустриализации и коренного преобразования ее по промышленному образцу. Тем самым возникли условия для гораздо более полного и всестороннего, чем это было прежде, проникновения капитала в сельское хозяйство.

Если в довоенные годы по уровню товарности продукции, энерговооруженности работника, применению кредита и т. д. сельское хозяйство сильно отставало от промышленности, то в настоящее время положение изменилось. Товарность многих сельскохозяйственных продуктов поднялась до 90% и более, а наличие основного капитала на одного работника, особенно в виде машин, в сельском хозяйстве стало большим, чем в промышленности. На основе технического перевооружения в большинстве западноевропейских стран сельское хозяйство по таким важнейшим показателям, как рост производительности труда и другие, превзошло (также впервые в истории) соответствующие показатели в промышленности. В странах ЕЭС начиная с 60-х годов среднегодовые темпы роста производительности труда в сельском хозяйстве, как правило, значительно выше, чем в промышленности. Например, в ФРГ в 1964—1974 гг. размеры ежегодного увеличения производства продукции на одного работника по сравнению с предыдущим годом в сельском хозяйстве составляли от 4,1 до 18,4%, а в промышленности — от 2,5 до 6,8%³.

Новые производительные силы в сельском хозяйстве, созданные техническим прогрессом, отвечают потребностям развития крупного капиталистического производства и обеспечивают его быстрый подъем. Отсюда вытекает заинтересованность монополистического капитала в ликвидации мелкокрестьянского производства и замене его крупнокапиталистическим, что дает возможность расширить в сельском хозяйстве рынки сбыта для средств производства, высвободить дешевую рабочую силу, индустриализовать производство сырья для перерабатывающей промышленности и т. д. Новое в концентрации сельского хозяйства состоит также в резком усилении его капитализации и монополизации, окончательном подчинении буржуазным товарно-денежным отношениям. Это находит свое выражение в том, что возникают и быстро развиваются новые индустриальные производства, гигантские фабрики-фермы, животноводческие комплексы, ведущие производство исключительно на капиталистической основе и с применением новейшей техники. Всесторонней становится зависимость крестьянского производства от рынка и товарно-денежных отношений. Теперь лишь тот владелец хозяйства может рассчитывать на успех, который постоянно учитывает рыночную ситуацию, модернизирует производство, поставляет свою продукцию для промышленной переработки, подсчитывает себестоимость, сопоставляет затраты с расходами, планирует производство и т. д., иными словами, ведет хозяйство на предпринимательских началах.

Полное устранение прежней замкнутости хозяйства крестьянина, его

³ «Materialband zum Agrarbericht 1975 der Bundesregierung». Bonn. 1975, S. 43.

оторванности от рынка, преодоление ориентации на возделывание продуктов для собственного потребления, зависимость от поставок промышленных средств производства, кредита и других капиталистических отношений — все это имеет крайне важные последствия. Сельское хозяйство — это, с одной стороны, рынок сбыта для монополий, производящих машины, удобрения, строительные материалы, средства транспорта и т. д., с другой — это сфера производства сырья для промышленности и продуктов питания для населения. Обе эти стороны сельского хозяйства тесно взаимосвязаны, и чем крепче капиталистические отношения охватывают сельское хозяйство как рынок сбыта, тем в большей степени оно преобразуется на капиталистической основе и как сфера производства. Дальнейшая капитализация сельского хозяйства содействует укреплению позиций крупных предприятий. Для капитализма по самой его природе характерно крупное, а не мелкое производство. Ослабляется возможность для мелких и средних крестьянских хозяйств выстоять в конкурентной борьбе, преимущества крупного производства перед мелким утверждаются еще сильнее и решительнее.

На основе преобразования материально-технической базы и всестороннего укрепления товарно-денежных отношений происходит дальнейшее развитие государственно-монополистического капитализма в сельском хозяйстве. Эта отрасль включается в единую систему монополистической экономики. Возникает единый агропромышленный комплекс, в состав которого входят отрасли промышленности, снабжающие сельское хозяйство машинами, удобрениями и другими средствами производства, монополии по переработке сельскохозяйственных продуктов, банки и торгово-финансовые учреждения, а также само сельское хозяйство, роль которого внутри этого комплекса фактически сводится к выработке сырья для промышленности. Монополистический капитал, используя государственный аппарат, получает возможность целиком определять направления и условия развития сельского хозяйства. Но в то же время агропромышленный комплекс позволяет осуществить дальнейшее углубление общественного разделения труда, отделить от сельского хозяйства и передать в руки монополий такие функции, как производство части средств производства, переработка сельскохозяйственной продукции, ее транспортировка, хранение и сбыт потребителям. На этой основе повышается производительность сельского хозяйства, однако достигается это за счет все большего подчинения его монополиям и усиления эксплуатации крестьян. Монополистический капитал на свой лад перестраивает сельское хозяйство, которое стало теперь более выгодной, чем было до технического прогресса, сферой приложения капитала, стремится расширить здесь рынки сбыта промышленных товаров и модернизировать поставки сырья для промышленности.

В условиях «Общего рынка» концентрация производства в сельском хозяйстве осуществляется в особо острых и противоречивых формах. Монополистический капитал каждой страны стремится возможно быстрее индустриализовать эту отрасль, для того чтобы обеспечить себе преимущества перед другими странами. Но само сельское хозяйство характеризуется пока еще традиционной социально-экономической отсталостью и значительной раздробленностью. Из всех членов ЕЭС, пожалуй, в одной лишь Англии сельское хозяйство достигло довольно высокого уровня концентрации и развития капиталистических отношений. В начале 70-х годов средний размер английской фермы составлял более 40 га — это вдвое превышало средний размер хозяйства во Франции, Дании и Ирландии того времени и в 3—5 раз — ФРГ и Италии⁴. В послевоенные годы в руках владельцев сравнительно небольших хозяйств (до 20 га) во

⁴ «Agra Europe», I.X.1974.

Франции, ФРГ и Италии находилось от 39 до 45% всей полезной сельскохозяйственной площади этих стран⁵.

Раздробленность землепользования — традиционная особенность многих стран ЕЭС. Так, согласно данным сельскохозяйственной переписи Германии 1907 г., более 87% всех хозяйств составляли тогда мелкие, размером до 10 гектаров⁶. В течение последующего полувека шел процесс концентрации земли. Однако даже накануне создания «Зеленой Европы», в 1960 г., около 71% сельскохозяйственных предприятий в ФРГ приходилось на долю мелких хозяйств размером до 10 гектаров⁷. При этом во многих хозяйствах по-прежнему существует значительная чересполосица (принадлежащая им земля состоит из разрозненных и расположенных в разных местах небольших земельных участков). В 1961—1964 гг. в странах ЕЭС владельцы 3 млн. хозяйств имели раздробленные участки, в том числе в Италии было 1,9 млн. таких владельцев хозяйств, в ФРГ — 550 тыс., во Франции — 450 тысяч⁸.

Мелкокрестьянская структура производства особенно характерна для Италии. Здесь в 1960 г. из 4,3 млн. сельскохозяйственных предприятий 3,8 млн. являлись мелкими (до 10 га), что составляло 88% их общего количества⁹. Понятно, что в таких хозяйствах невозможно широко использовать новую технику, повышающую эффективность производства. Исследования западногерманских ученых показали, что применение трактора мощностью 100 л. с. вместо 50-сильного дает экономию затрат труда до 50%, а использование 10-футового комбайна на уборке зерновых снижает трудовые затраты на 43%. Однако для наиболее экономичной работы этих машин размеры сельскохозяйственного предприятия должны быть на уровне 100 гектаров¹⁰.

Таким образом, в странах «Общего рынка» стремление монополистического капитала ускорить индустриализацию и концентрацию сельского хозяйства, завершить создание агропромышленного комплекса наталкивается на мелкокрестьянскую структуру производства. Как считают буржуазные экономисты, с точки зрения технического прогресса «самым большим злом является недостаточный размер многих хозяйств»¹¹. Выход из этого положения господствующие классы видят в ликвидации мелких и средних крестьянских хозяйств, к чему и направлена в своей основе единая сельскохозяйственная политика «Общего рынка». Руководители ЕЭС неоднократно характеризовали аграрную интеграцию в качестве средства для коренной перестройки структуры сельского хозяйства на основе его технического перевооружения и укрупнения производства. Но добиться этой цели в кратчайшие сроки невозможно по ряду причин: во-первых, из-за опасения крайне обострить классовые противоречия в деревне, во-вторых, вследствие упорного сопротивления крестьян, их чрезвычайно большой способности держаться за счет недопотребления, чрезмерной экономии и трудового перенапряжения, наконец, по той причине, что в руках крестьян находится значительная доля сельскохозяйственного производства, и т. д. Поэтому монополистический капитал вынужден маневрировать, сочетать всесторонний нажим на крестьянство с определенными уступками ему, с поисками новых путей индустриализации мелкого производства.

В последние десятилетия в странах ЕЭС, как и в других развитых капиталистических государствах, широкое распространение получила

⁵ «Agrarsoziale Probleme der EWG». Hannover. 1959, S. 123.

⁶ «Handbuch der deutschen Landwirtschaft», 1927, S. 116.

⁷ «Materialband zum Agrarbericht 1971 der Bundesregierung». Bonn. 1971, S. 22.

⁸ R. Broad, R. Jarratt. Community Europe. A Short Guide to the Common Market. L. 1968, p. 69.

⁹ «Agri Forum», 1971, № 11, p. 394.

¹⁰ «Berichte über Landwirtschaft», 1968, № 4, S. 769.

¹¹ «Zeitschrift für ausländische Landwirtschaft», 1967, № 2, S. 186.

новая форма монополистической концентрации сельского хозяйства в условиях сохранения мелких крестьянских хозяйств — включение их в систему монополизированной экономики на основе так называемой вертикальной интеграции. Под этим подразумевается заключение монополиями с владельцами хозяйств соглашений на поставку сельскохозяйственной продукции для промышленной переработки. Как отмечает западногерманский буржуазный ученый Э. Фрайсберг, при этом «отдельный сельскохозяйственный производитель (владелец сельскохозяйственного предприятия) глубоко специализируется на производстве соответствующей продукции, отказывается от собственного планирования производства и обязуется по договору поставлять определенное количество установленной продукции в предусмотренные договором сроки»¹². Вертикальной интеграцией в странах «Общего рынка» охвачено производство 80—95% товарного молока, птицы, овощей для промышленной переработки, до 75% убойных телят, 30—35% раннего картофеля и яиц, практически всей сахарной свеклы¹³.

Вертикальная интеграция как сложное социально-экономическое явление имеет многостороннее содержание. Со стороны производственно-технической — это новый этап связей промышленности с сельскохозяйственным производством и его концентрации, позволяющий монополиям объединить под своим руководством разрозненные крестьянские хозяйства. Они включаются в производственный организм монополии, которая стремится форсировать интенсификацию производства, повышение производительности труда. Со стороны экономической — вертикальная интеграция содействует дальнейшему углублению общественного разделения труда, позволяет увеличить степень эксплуатации крестьянства монополиями на основе их проникновения непосредственно в сельскохозяйственное производство. Она делает для монополии более выгодным приложение капитала к сельскому хозяйству и обеспечивает получение дополнительной прибавочной стоимости в условиях сохранения мелкокрестьянского производства. Социально-политическое содержание вертикальной интеграции состоит в попытке монополистического капитала разрешить применительно к сельскому хозяйству империалистическими средствами противоречие между общественным характером производительных сил и частнособственническими производственными отношениями. Она также служит новой формой пролетаризации крестьян, превращая владельца хозяйства фактически в наемного работника монополии без его непосредственной экспроприации.

Заключение договоров с монополиями дает владельцам крестьянских хозяйств определенные возможности рационализировать производство, повысить его эффективность, упорядочить сбыт. Понятно, что основную выгоду от такой модернизации получают монополии, которые благодаря этим договорам могут в определенной степени планировать поставки сельскохозяйственного сырья для переработки в продовольственные и другие товары. Соглашения предусматривают также снабжение крестьян техникой, минеральными удобрениями и другими средствами производства. Это отвечает интересам промышленных фирм, которые при помощи вертикальной интеграции могут заранее предусматривать производство значительной части своей продукции. Что касается крестьянства, то, хотя в условиях вертикальной интеграции шансы устоять в конкурентной борьбе несколько повышаются, в конечном итоге крестьянские хозяйства не избегают разорения. Монополии неохотно сотрудничают с владельцами мелких хозяйств, кроме того, они диктуют такие цены на поставляемую продукцию, которые часто не обеспечивают

¹² E. Freisberg. Die Grüne Hürde Europas. Deutsche Agrarpolitik und EWG. Köln und Opladen. 1965, S. 12.

¹³ «Agra Europe», 4.XII.1973.

сельскохозяйственным производителям получение необходимого дохода. Отсюда, несмотря на большой рост объема сельскохозяйственного производства, доля крестьян в стоимости продукции, поступающей в их распоряжение, увеличивается гораздо медленнее, чем доля монополий.

Усиление эксплуатации крестьянства вызывает его растущее недовольство. В последние годы под воздействием крестьянских выступлений в странах ЕЭС расширены ассигнования на оказание крестьянам различных видов социальной помощи, а также на организацию перехода рабочей силы из деревни в город — оказание содействия в трудоустройстве, консультации по этому вопросу, приобретение новой профессии и т. д. Конечно, такие меры продиктованы прежде всего стремлением господствующих классов сгладить остроту социальных конфликтов в деревне, несколько ослабить отрицательные последствия технического прогресса для массы крестьян, которые оказываются выброшенными из сельского хозяйства. Таким образом, процесс концентрации сельскохозяйственного производства осуществляется в обстановке острых социальных конфликтов. Усиление экономического и иного давления на мелкокрестьянское производство, которое должно побудить владельцев средних и мелких хозяйств отказаться от них и уйти из сельского хозяйства, сопровождается мерами по укрупнению крестьянского производства и вынужденным оказанием помощи тем владельцам хозяйств, которые переходят в другие отрасли.

Буржуазные правительства стараются всячески замаскировать антикрестьянскую направленность политики аграрной интеграции, обеспечить монополиям наиболее безопасный путь ликвидации мелкого производства, сохраняя в то же время крестьянство как опору буржуазных партий и удерживая его от сознательных политических выступлений против монополий. Господствующие классы пытаются держать под определенным контролем процесс разорения крестьянских хозяйств, они стремятся сглаживать классовые противоречия в деревне, чтобы не допустить чрезмерного роста революционных настроений среди сельских тружеников.

В послевоенные годы в развитых капиталистических странах широко применяется государственное регулирование сельского хозяйства, в системе которого важную роль играет определение цен на сельскохозяйственные продукты. Это делается в интересах монополистического капитала. Известно, что в современных условиях ни стоимость, ни себестоимость продуктов уже не оказывают решающего воздействия на установление цен в сельском хозяйстве. Регулирование цен диктуется прежде всего политическими соображениями и экономическими интересами господствующих классов. Оно определяется соотношением сил между различными группировками монополистического капитала, которые преследуют собственную выгоду. Сами буржуазные ученые признают классовый характер этого регулирования, подчеркивая, в частности, то обстоятельство, что «цена больше не является экономической категорией, а стала инструментом политического управления»¹⁴. Действительно, даже в странах, где условия сельского хозяйства примерно одинаковы, можно наблюдать большие различия в ценах на сельскохозяйственные продукты. При этом регулированием практически охвачены все основные стороны производства и сбыта. Западногерманский экономист Ф. Бааде еще в 50-е годы писал, что в области сельского хозяйства государство контролирует рыночные отношения и что «свободного рынка сегодня нет нигде в мире»¹⁵.

В системе аграрной интеграции ЕЭС регулирование сельского хозяйства осуществляется весьма жестко и полно. При этом оно имеет место,

¹⁴ «Berichte über Landwirtschaft», 1969, № 2, S. 268.

¹⁵ «Gutachten zur Frage einer europäischen Agrargemeinschaft». Bonn. 1953, S. 43.

как уже отмечалось, не только в рамках отдельных государств, но и на широкой наднациональной основе. Используя возросшую зависимость хозяйств от сбыта и товарно-денежных отношений, буржуазное государство воздействует на крестьянство по важным каналам, связывающим его с рынком: как посредством изменения условий реализации продукции, так и условий ее производства. Это достигается регулированием закупочных цен, субсидированием владельцев хозяйств, их кредитованием и т. д. В «Общем рынке» не только широко используются различные формы государственно-монополистического регулирования сельского хозяйства, но и наблюдается все больший переход этих функций в руки наднациональных органов ЕЭС. Уже теперь сельское хозяйство стало одной из самых регулируемых отраслей экономики стран ЕЭС, где процессы интеграции получили широкое развитие. Органы ЕЭС, например, ежегодно определяют единые закупочные цены на зерно, мясо, сливочное масло и другие продукты, и ни одно национальное правительство не вправе их изменять.

Для поддержания цен на согласованном уровне применяется сложная система рыночного регулирования. Сюда входят: скупка излишних продуктов на рынке для уменьшения их предложения и приостановки падения цен, продажа продукции из государственных запасов для увеличения предложения на рынке и приостановки роста цен, взимание с поставщиков из третьих стран высоких таможенных сборов с целью устранить воздействие мирового рынка на цены ЕЭС и т. п. Единые закупочные цены на сельскохозяйственные продукты ЕЭС являются предметом постоянных и весьма острых разногласий между его членами. Их причины кроются прежде всего в противоречивых экономических интересах стран ЕЭС, связанных с сельским хозяйством. Дело в том, что сельскохозяйственное производство распределено между членами «Общего рынка» крайне неравномерно. Диспропорции здесь намного превышают различия между ними в объемах промышленного производства, количестве населения и т. д. Например, во Франции проживает почти на 20% меньше населения, чем в ФРГ, а зерна производится вдвое больше, чем в ФРГ. Очень велика разница между членами ЕЭС в производстве животноводческой продукции на душу населения. Огромные диспропорции имеются в уровне интенсификации сельского хозяйства, его продуктивности. В 1971 г. урожай пшеницы в Голландии составил около 46 ц с гектара, тогда как в Италии — менее 24 центнеров¹⁶. Естественно, что в такой обстановке нелегко находить взаимоприемлемые решения и устанавливать единые закупочные цены, которые являются результатом компромисса между членами ЕЭС. При определении таких цен каждая страна исходит из своих интересов, стремясь обеспечить собственным производителям преимущества по сравнению с производителями других стран. Это нередко делает позиции членов «Общего рынка» трудносовместимыми.

Тем не менее, несмотря на большие разногласия и упорные схватки по вопросам сельскохозяйственной политики, страны ЕЭС все-таки ежегодно принимают компромиссные решения и устанавливают единые цены в системе аграрной интеграции. Следует признать, что механизм «Зеленой Европы» в общем и целом гарантирует довольно действенный контроль за поддержанием цен на установленном уровне. Однако он не в состоянии разрешить все проблемы аграрной интеграции и предотвратить многие отрицательные последствия единой сельскохозяйственной политики, такие, как перепроизводство некоторых продуктов растениеводства, особенно пшеницы, недостаток других продуктов (говядина), диспропорции в развитии отдельных отраслей животноводства, торговые конфликты с третьими странами, и другие.

¹⁶ «World Agricultural Production and Trade», September 1971, p. 23.

Регулирование цен в сельском хозяйстве оказывает сильное воздействие на крестьянство. Ведь от уровня цен, по которым крестьяне продают свою продукцию, зависят результаты их хозяйственной деятельности, получение дохода, благосостояние семьи, возможности для дальнейшего развития хозяйства. В конечном счете крестьяне разоряются потому, что существующие цены на сельскохозяйственную продукцию не покрывают их издержек производства, в то время как для крупных хозяйств эти цены (в сочетании с различными видами финансовой и иной поддержки) обеспечивают получение прибыли. Буржуазные теоретики рассматривают закупочные цены на сельскохозяйственные продукты как единство нескольких производственно-экономических и социальных элементов: результата производства продукции, составной части дохода производителя, стимула в развитии конкуренции и фактора потребления¹⁷. Поэтому при установлении цен буржуазное государство преследует комплексную задачу. Для монополий перерабатывающей промышленности такая мера фактически означает возможность получать сырье по заранее известным и стабильным ценам. Вдвывая цены на комбикорма, продовольственные продукты и другие товары, монополии тем самым повышают свои прибыли. Отрасли промышленности, поставляющие сельскохозяйственные средства производства и другие изделия для сельского хозяйства, также наживаются за счет «ножниц цен» между сельским хозяйством и промышленностью. Существо механизма «ножниц цен» можно показать на следующем примере. В 1958—1969 гг. в Бельгии закупочные цены на сельскохозяйственные продукты повысились на 18%, а на промышленные товары — на 30%. Разрыв в размерах увеличения цен и образует «ножницы», благодаря которым монополии присваивают себе часть стоимости, созданной в сельском хозяйстве. Так, в ФРГ в 1964 г. соотношение цен на культиватор и сахарную свеклу было таким, что для покупки культиватора надо было продать 1,3 т сахарной свеклы, а в 1969 г. для этой цели необходимо было продать уже около 2 т сахарной свеклы¹⁸. Из-за «ножниц цен» монополии при таком товарообмене получили возможность присваивать стоимость, равноценную стоимости почти 7 ц свеклы.

Следовательно, регулирование цен в сельском хозяйстве способствует усилению эксплуатации этой отрасли экономики монополистическим капиталом. Но господствующие классы не заинтересованы в чрезмерном ограблении сельского хозяйства монополиями, что привело бы к его большому отставанию от промышленности и отрицательно сказалось бы на развитии всей национальной экономики. Поэтому регулирование цен имеет также целью создание в сельском хозяйстве определенных накоплений и условий для его дальнейшего развития как составной части экономики. Однако это делается таким образом, чтобы подавляющая часть таких накоплений создавалась в крупных капиталистических предприятиях, а мелкие и средние крестьянские хозяйства обрекались на разорение. При установлении цен государство руководствуется интересами крупных производителей. Например, во Франции, как показал В. Роше, закупочные цены на пшеницу, определяемые государством, обеспечивали рентабельность ее возделывания только в крупных хозяйствах и не давали возможности получать высокие доходы мелким хозяйствам¹⁹. Поскольку издержки производства в небольших хозяйствах более высоки по сравнению с крупными предприятиями, то даже при одинаковых ценах их владельцы оказываются в худшем положении. За истекшее после выхода в свет работы В. Роше время разница в доходах на занятого в крупных и мелких хозяйствах еще больше возросла в пользу крупного производства. Так, в странах ЕЭС в группе обследованных хозяйств раз-

¹⁷ F. Mehler. Zur Problematik der Agrarpreise. Stuttgart. 1962, S. 12—25.

¹⁸ «Production Yearbook», 1970, pp. 548, 663.

¹⁹ См. В. Роше. Трудженики полей. М. 1964, стр. 84—85.

мером свыше 50 га в последние несколько лет темпы роста доходов более чем в 3,3 раза превысили их увеличение в хозяйствах площадью 5—10 гектаров²⁰.

Кроме регулирования цен, давление на крестьянство оказывается также через систему финансирования сельского хозяйства, применяемую в ЕЭС. Имеется Фонд ориентации и гарантии сельского хозяйства (ФЕОГА), расходы которого в последние годы достигли суммы 3,5—4 млрд. долларов²¹. Субсидии и другие виды финансовой помощи выдаются на многие цели: объединение земельных участков и увеличение площади хозяйств, переселение хозяев на новое место, изменение специализации хозяйства, в частности переход с молочного на мясное направление, модернизация производства, строительство помещений, улучшение условий сбыта, создание различных производственных объединений и т. д. Но условия получения финансовой помощи в странах ЕЭС (как по их национальным законам, так и по правилам «Зеленой Европы») сформулированы таким образом, что подавляющая часть денежных средств попадает в руки владельцев крупных хозяйств. При этом характерной чертой развития аграрной интеграции является неуклонное ужесточение требований к мелким хозяйствам в отношении оказания их владельцам финансовой поддержки. С каждым годом сокращается количество видов финансирования, на которые могут претендовать мелкие и средние крестьяне. В то же время сильно расширены такие формы субсидирования, которые направлены на выкуп крестьянской земли, поощрение владельцев хозяйств к переходу в другие отрасли, уходу на пенсию, сдаче хозяйства в аренду, то есть на вытеснение крестьян из сельского хозяйства.

Со стороны господствующих классов ЕЭС имели место попытки форсированным темпом ликвидировать мелкие и средние, а также значительное число крупных крестьянских хозяйств. Так, в 1969 г. был опубликован план, названный по имени бывшего руководителя сельскохозяйственной политики ЕЭС, вице-председателя комиссии «Общего рынка» голландского представителя С. Мансхолта. Он предусматривал в течение десятилетия коренное изменение структуры сельского хозяйства и замену мелкого производства крупным. В соответствии с этим планом размеры хозяйства, специализирующегося на производстве зерна, предусматривалось довести в среднем до 120 га, молочного — до 60 коров, мясного — до 200 голов крупного рогатого скота или до 600 свиней, птицеводческого — до 10 тысяч кур-несушек. В тот период средний размер сельскохозяйственного предприятия в странах ЕЭС составлял всего 11 га, причем наибольшая величина хозяйства (во Франции) была около 18, а наименьшая (в Италии) — менее 7 гектаров²². Мелкие фермы господствовали и в животноводстве. В производстве говядины и других продуктов доля крупных хозяйств, отвечавших требованиям «плана Мансхолта», составляла очень небольшую величину.

В этих условиях осуществление «плана Мансхолта» предполагало ликвидацию подавляющего большинства сельскохозяйственных предприятий. Даже многие представители господствующих классов высказывались против такой крутой ломки структуры сельского хозяйства, видя в этом опасность резкого обострения классовых противоречий в деревне. Мощные выступления, в том числе 100-тысячная демонстрация в Брюсселе весной 1971 г., были ответом крестьянских масс на «план Мансхолта». В конечном итоге план пересмотрели, а его автор был вынужден уйти в отставку. Однако и новый вариант аграрной реформы, разработанный в «Общем рынке», сохраняет основные идеи структурной перестройки сельского хозяйства за счет уничтожения мелкокрестьянского

²⁰ «Агра Европе», 11.XII.1973.

²¹ Здесь и далее имеются в виду «зеленые доллары», или «расчетные единицы ЕЭС», приравненные к доллару США, имевшему хождение по девальвации 1971 года.

²² «Memorandum on the Reform of Agriculture in the EEC». Brussel. 1969, Ann. 15B.

производства. Так, финансовая помощь оказывается только владельцам «жизнеспособных» хозяйств, имеющих утвержденный перспективный план развития, обеспечивающих полную занятость для двух взрослых работников и получение дохода на занятого, примерно соответствующего заработку в других отраслях экономики. Мелким и средним крестьянам в возрасте от 55 до 65 лет устанавливаются пенсии, если они передадут свое хозяйство другому владельцу или сдадут его в аренду сроком не менее чем на 12 лет. На эти цели до 1977 г. запланировано израсходовать 288 млн. долларов²³. Ассигнованы также средства на выкуп крестьянской земли, перекавалификацию крестьян в рабочих промышленности и т. д.

Фактически новая сельскохозяйственная политика ЕЭС преследует цели, провозглашенные «планом Мансхолта», но растягивает их достижение на более длительные сроки, а также предусматривает увеличение помощи тем крестьянам, которые вытесняются из сельского хозяйства. Но это не меняет существа реальной опасности, нависшей над значительной частью крестьянских хозяйств. Даже сами руководители «Общего рынка» признают, что подавляющее большинство нынешних хозяйств не сможет получать финансовую поддержку от государства, и экономическое положение их владельцев будет и дальше ухудшаться.

В последние годы в ведущих капиталистических странах углубляется экономический кризис, что отражается и на их сельском хозяйстве. Аграрная интеграция, будучи частью экономики ЕЭС, страны которого, в свою очередь, входят в мировую капиталистическую систему, испытывает на себе непосредственное воздействие кризиса. При этом господствующие классы стремятся переложить основные его последствия на плечи трудящихся, в том числе крестьянства.

Серьезный удар по механизму аграрной интеграции нанес мировой валютный кризис. Поскольку в странах «Общего рынка» нет единой валюты, то для организации взаимных расчетов и определения единых закупочных цен была взята условная величина — «расчетная единица ЕЭС», или «зеленый доллар». Она приравнивается к доллару США потому, что этот доллар был положен в основу мировой валютной системы капитализма, созданной Бреттон-Вудским соглашением 1944 г., участниками которого являются и страны ЕЭС. Таким образом, единые закупочные цены устанавливаются в расчетных единицах, а затем переводятся в национальную валюту стран ЕЭС согласно ее обменному курсу по отношению к доллару.

Такая система регулирования цен ставит аграрную интеграцию в сильную зависимость от положения доллара США и обстановки на мировом валютном рынке. Еще до девальвации доллара США был девальвирован французский франк, то есть понизился его обменный курс по отношению к доллару. ФРГ произвела ревальвацию своей марки, что означало повышение ее обменного курса по отношению к доллару. Уже эти первые проявления валютного кризиса на практике взорвали единый сельскохозяйственный рынок и потребовали экстренных мер по спасению «Зеленой Европы». Ведь как в случае девальвации франка, так и при ревальвации марки установленные в ЕЭС единые цены фактически перестали существовать. Во Франции, где произошла девальвация валюты, единые цены, выраженные в прежнем количестве франков, в действительности опустились ниже единых цен ЕЭС, поскольку теперь это количество франков стало приравниваться к меньшему количеству долларов. В ФРГ, наоборот, закупочные цены, выраженные в прежнем количестве марок, стали выше единых цен ЕЭС, потому что после ревальвации данная сумма марок начала обмениваться на большее количество долларов. Таким образом, для иностранных поставщиков выручка от прода-

²³ «Agra Europe», 28.III.1972.

жи товаров на французском рынке стала меньше, чем при продаже такого же количества продукции на рынках других стран ЕЭС. Выручка от продажи в ФРГ увеличилась по сравнению с рынками других стран, что позволяло продавцу получить дополнительную прибыль. Поэтому поставщики других стран стремились проникнуть на рынок ФРГ, а это создавало угрозу нарушения равновесия между спросом и предложением. Такая же опасность возникла и во Франции, но уже в силу того, что поставщики других стран не были заинтересованы в продаже своей продукции на французском рынке.

Во избежание стихийного колебания товарных потоков на границах Франции и ФРГ были введены таможенные ограничения, призванные устранить отклонения цен на рынках этих стран от единых цен ЕЭС. При ввозе продукции во Францию поставщикам доплачивалась разница между более высокими едиными ценами ЕЭС и более низкими французскими ценами. При ввозе продукции в ФРГ с поставщиков взималась разница между более высокими западногерманскими ценами и едиными ценами ЕЭС. Такие меры затруднили торговые расчеты, кроме того, они противоречат правилам аграрной интеграции, которая провозгласила свободный обмен товарами между членами ЕЭС. Но введение таможенных ограничений было необходимо для спасения аграрной интеграции от ударов валютного кризиса.

Еще больше осложнилось дело, когда произошла девальвация доллара в 1971 году. Страны ЕЭС не смогли выработать единые меры по преодолению последствий валютного кризиса, поэтому многие из них стали проводить самостоятельную валютную политику. ФРГ, например, ввела свободно колеблющийся курс своей марки, то есть стала приравнивать ее к доллару не на основе твердого паритета, а по фактически складывающемуся на валютном рынке соотношению между спросом и предложением. В результате курс марки по отношению к доллару изменялся ежедневно, а соответственно этому цены на сельскохозяйственные продукты на западногерманском рынке также ежедневно отклонялись от единых цен ЕЭС. В других странах, принявших иные ответные меры на девальвацию доллара, закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию также в большинстве случаев отклонились от единых цен. Общий сельскохозяйственный рынок раскололся на пять самостоятельных зон со своими ценами. Такой раскол сохраняется до настоящего времени. Теперь уже для поддержания единых цен во всех странах ЕЭС введены пограничные ограничения. По самым оптимальным прогнозам, они смогут быть отменены не ранее 1977 г., да и то при условии достижения странами «Общего рынка» прогресса в валютных вопросах.

Затруднения в функционировании механизма аграрной интеграции еще больше усиливаются вследствие того, что «расчетная единица ЕЭС» не пересматривалась и продолжает приравниваться к доллару США до его первой девальвации в 1971 году. Между тем с того времени доллар претерпел несколько девальваций и по своему золотому содержанию опустился значительно ниже уровня 1971 года. Пытаясь несколько упорядочить взаимные расчеты и ослабить зависимость от США, Комиссия европейских сообществ разработала проект введения новой «расчетной единицы ЕЭС». В ее основу предлагается положить не доллар, а валюту стран «Общего рынка». Но пока еще механизм «Зеленой Европы» продолжает работать по-старому, что приводит к большим перебоям и усложняет и без того нелегкое дело регулирования сельскохозяйственного рынка.

Очень сильно отражается на положении сельского хозяйства, в том числе на материальных условиях многих земледельцев, энергетический кризис, разразившийся в мире капитализма. Его обострение непосредственно задело интересы значительной части крестьянства. Только с октября 1973 по апрель 1974 г. цены на все виды топлива повысились в

ЕЭС в 1,5 раза²⁴, а с начала кризиса они возросли в несколько раз. Между тем в сельском хозяйстве стран «Общего рынка» ежегодно потребляется около 19 млн. т топлива в пересчете на нефть. Затраты на его приобретение по ценам 1973 г. составили около 342 млн. долларов. Удорожание топлива ведет к увеличению издержек производства и снижению доходов владельцев хозяйств. Например, в первом полугодии 1974 г. издержки производства, вызванные ростом цен на топливо, повысились в тепличном овощеводстве на 20%, в производстве молочных продуктов — на 10%²⁵. Энергетический кризис увеличивает также издержки производства в промышленности, что ведет к повышению цен на минеральные удобрения и другие средства производства.

Все это ухудшает экономическое положение владельцев сельскохозяйственных предприятий и побуждает их выступать с требованиями оказания помощи. Во Франции, Голландии, Бельгии и других странах были введены специальные денежные субсидии на удешевление топлива, потребляемого в сельском хозяйстве. Но такие субсидии, устанавливаемые отдельными государствами, противоречат принципам аграрной интеграции, которая исходит из необходимости проведения единой финансовой политики в сельском хозяйстве. Поэтому руководящие органы ЕЭС выступают за отмену установленных субсидий. Однако даже при сохранении такой финансовой помощи она далеко не покрывает действительного роста издержек производства, вызванного энергетическим кризисом. Поэтому в последние годы крестьянские организации особенно настойчиво требуют повышения закупочных цен на сельскохозяйственные продукты, чтобы поднять доходность хозяйств.

Аграрная политика «Общего рынка» приводит к существенному изменению положения крестьянства, что не может не отражаться на его роли в политической борьбе рабочего класса и на вовлечении сельских тружеников в антимонополистическое и демократическое движение.

Многочисленные факты свидетельствуют, что, несмотря на различные маневры и ухищрения, практическое проведение в жизнь империалистической аграрной политики серьезно обострило противоречия между монополиями и крестьянством. Об этом, например, говорят массовые крестьянские волнения в странах «Общего рынка», которые фактически не прекращаются с момента создания аграрной интеграции и достигли широкого размаха летом 1974 года.

Тяжесть последствий кризиса для трудового крестьянства и беспрецедентная крестьянская борьба, какой большинство стран капиталистической Европы не знало в последний период, свидетельствуют о дальнейшем ухудшении социального положения тружеников деревни. Крестьянство недовольно низкими закупочными ценами на свою продукцию, ростом цен на средства производства, снижением доходности хозяйств, обострением конкуренции, плохими условиями жизни.

«Общий рынок» принес крестьянству массовое разорение, достигшее невиданных прежде масштабов. В 1946—1967 гг. во Франции перестало существовать 488 тыс. хозяйств, в Бельгии и Голландии за 1950—1966 гг. — 146 тыс., в ФРГ за 1949—1971 гг. — 779 тысяч²⁶. При этом под воздействием аграрной интеграции непрерывно нарастают темпы разорения. Если в 1960—1967 гг. в странах ЕЭС ежегодно исчезало 1,7% общего количества хозяйств, то в последние годы — уже почти 4% хозяйств²⁷. Конечно, надо учитывать, что процесс ликвидации мелких хозяйств — это сложное явление, которое включает в себя как разорение трудящегося крестьянства, так и обогащение владельцев более крупных сельскохозяйственных предприятий.

²⁴ «Бюллетень иностранной коммерческой информации», № 143, 28.XI.1974.

²⁵ Там же.

²⁶ «Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten. 1973», S. 29.

²⁷ «Agra Europe», 11.XII.1973.

Быстрыми темпами сокращается рабочая сила в сельском хозяйстве. В 1960 г. в странах «шестерки» в этой отрасли было занято 15,4 млн. человек²⁸. С тех пор сельское хозяйство покинуло около 7 млн. человек. Но процесс вытеснения сельскохозяйственных работников, среди которых большинство составляют крестьяне, будет продолжаться и дальше. Согласно расчетам французских специалистов, к 1980 г. в сельском хозяйстве страны должно остаться не более 2 млн. человек — это значит, что здесь вдвое уменьшится число тружеников по сравнению с 1962 годом²⁹. При создании ЕЭС в сельском хозяйстве его стран трудилось 26—30% всех занятых работников, и уже в тот период руководители ЕЭС выдвинули задачу довести удельный вес сельскохозяйственных работников ко времени завершения аграрной интеграции до 6,5% от общего их числа³⁰. Эта задача в основе своей прогрессивна, поскольку отвечает потребностям технического роста и интересам повышения производительности труда. Однако методы вытеснения сельскохозяйственных работников, практикуемые в странах «Общего рынка», носят империалистический, эксплуататорский характер, что нашло выражение в массовом разорении крестьянства и ухудшении его социально-экономического положения.

Доходы работников сельского хозяйства продолжают значительно отставать от заработков промышленных рабочих. В буржуазной литературе открыто признается, что потерпел провал лозунг о «паритете доходов», то есть обещание руководителей ЕЭС поднять доходы в сельском хозяйстве до уровня оплаты работников других отраслей производства³¹. В довоенной Германии доходы крестьян составляли 72% оплаты промышленного рабочего. В 1972 г. в ФРГ часовая оплата даже сельскохозяйственного рабочего, который зарабатывает больше членов крестьянских семей, составила 71% оплаты рабочего промышленности³². Причем увеличение доходов нередко сменяется их снижением, поэтому абсолютный разрыв в заработках сплошь и рядом возрастает. Так, после некоторого сокращения разрыва в оплате работников сельского хозяйства по сравнению с занятыми в других отраслях эта разница в 1972/73 г. снова поднялась до уровня 1969/70 года³³.

Отставание доходов тружеников сельского хозяйства от заработков рабочих сказывается и на жизненном уровне крестьянства. Обследования буржуазных ученых показывают, что в большинстве крестьянских хозяйств социально-бытовые условия неудовлетворительны. Во второй половине 60-х годов во Франции 88% крестьянских домов не имели душа или ванной, многие крестьяне (39%) не были собственниками домов и снимали их за плату, при этом большинство семей жило скученно³⁴. В деревне хуже по сравнению с городом культурно-бытовые условия, состояние народного образования, медицинского обслуживания и т. д. Пытаясь спастись от разорения, многие крестьяне вынуждены работать по 14—16 час. в сутки, без выходных дней и отпусков, экономить на одежде, питании и предметах культурно-бытового обихода, влезать в долговую кабалу. Встречаются случаи, когда за предоставленный кредит крестьянам приходится платить по 16% годовых, что вдвое превышает обычную ставку³⁵. В мелких хозяйствах велико применение женского и детского труда. В ФРГ в 1964/65 г. доля женского труда в целом по всем

²⁸ «Agriculture» № 275, Février 1965, p. 37.

²⁹ «L'Engrais», 1967, № 201, p. 13.

³⁰ «Agrarsoziale Probleme der EWG». «Schriftenreihe für ländliche Sozialfragen». H. 28. Hannover. 1959, S. 18.

³¹ «Agrarwirtschaft», 1969, № 5, S. 141.

³² «Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten. 1973». S. 258.

³³ «Agrarsoziale Gesellschaft», 2.II.1974.

³⁴ «Monatsberichte über die österreichische Landwirtschaft», 1968, № 8, S. 421.

³⁵ «Feld und Wald», 6.V.1966.

хозяйствам составляла треть трудовых затрат, в то время как в небольших хозяйствах размером до 7,5 га затраты женского труда были на 20% выше, чем мужского³⁶.

Среди широких масс крестьянства растет понимание того, что ухудшение их социально-экономического положения связано прежде всего с империалистической аграрной политикой, стремлением монополистического капитала осуществить концентрацию производства эксплуататорскими, антигуманными методами, противоречащими интересам сельских тружеников. Отсюда рост в деревне антимонополистических настроений, что расширяет и укрепляет социальную базу для союза рабочего класса и крестьянства.

Положение социально-классовых групп современного крестьянства в послевоенное время существенно изменилось. Под воздействием технического прогресса в огромной степени повысились минимальные размеры капитала, необходимого для организации хозяйства. Причем этот рост происходит постоянно и непрерывно. Отсутствие должной государственной помощи крестьянским хозяйствам и нарастание гнета монополий усиливают неустойчивость крестьянского производства. В этих условиях большинство крестьян оказывается не в состоянии обеспечить необходимый прирост капиталовложений, требуемый для рентабельного производства. Даже те крестьяне, которые вкладывают значительные средства в развитие производства, все равно не могут конкурировать с крупными сельскохозяйственными предприятиями.

В какой степени постоянная неустойчивость производства отражается на крестьянстве, свидетельствуют данные по ФРГ. В период между двумя первыми сельскохозяйственными переписями (1949—1960 гг.) количество хозяйств размерами 10—20 га выросло здесь с 256 до 287 тыс., или на 12%³⁷. Это была рекордная цифра — даже группа более крупных хозяйств площадью 30—50 га увеличилась только на 8%. Следовательно, в указанный период хозяйства размерами в 10—20 га в целом обеспечивали рентабельность производства и быстро повышали свой удельный вес в числе хозяйств и в производстве продукции. Они давали возможность их владельцам получать определенные доходы и расширять производство. Совсем другая картина стала наблюдаться после 1960 г., когда под воздействием технического прогресса и аграрной интеграции резко усилилось экономическое давление на крестьянство, обострилась конкуренция в сельском хозяйстве. Последняя сельскохозяйственная перепись ФРГ 1971 г. показала, что за 1960—1971 гг. число хозяйств размерами 10—20 га сократилось на 34 тыс., или на 12%. Это значит, что многие из этих хозяйств становятся нерентабельными и быстро вытесняются из производства более крупными капиталистическими предприятиями. За тот же период число хозяйств площадью 30—50 га возросло на 37%. Таким образом, хозяйства величиной в 10—20 га все больше переходят в разряд неконкурентоспособных предприятий, не обеспечивающих необходимых для расширенного воспроизводства доходов. Если проследить картину перемен, происходящих в движении рентабельности более подробно, то выясняется, что сначала стали разоряться, как правило, хозяйства размерами 10—15 га, а во второй половине 60-х годов этот процесс охватил и группу хозяйств размерами 15—20 гектаров³⁸. В 1974 г. уже наблюдалось значительное вытеснение из производства хозяйств размерами 20—25 гектаров.

Как отметила парижская конференция коммунистических партий Европы (1975 г.), основная тяжесть эксплуатации в сельском хозяйстве ложится на сельскохозяйственных рабочих, на мелких и средних крестьян

³⁶ «Wirtschaft und Statistik», 1966, № 3, S. 192—195.

³⁷ «Wirtschaft und Statistik», 1972, № 1, S. 18.

³⁸ «Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten. 1973», S. 29.

ян, которые не используют постоянную наемную рабочую силу и составляют в некоторых странах большинство земледельцев. Но по мере обострения кризиса и в связи с отчаянным стремлением добиться как можно большей рентабельности для крупного капитала все новые и новые слои земледельцев, которые прежде находились в выгодном положении, начинают страдать от грабительской политики монополий. Все это ведет к изменению границ, разделяющих социально-классовые прослойки крестьянства. В разряд мелкого крестьянства с неустойчивым производством попадает все больше владельцев из смежной группы, ранее представлявшей средних крестьян. В свою очередь, часть прежнего крупного крестьянства переходит в разряд средней группы. В целом существует тенденция повышения линии разграничения между социальными группами крестьянства, что соответствует изменению границ, разделявших прежде мелкое, среднее и крупное производство. Это отражается на изменении классовой структуры капиталистической деревни.

Рост неустойчивости крестьянского производства происходит под воздействием усиления эксплуатации крестьянства монополистическим капиталом и антикрестьянской аграрной политики господствующих классов. Он сказывается прежде всего на увеличении числа хозяйств, еще несколько лет назад бывших доходными, которые теперь уже не обеспечивают содержание семьи и хозяйства. Это заставляет крестьянина или членов его семьи прибегать к подсобным заработкам на стороне. Постоянная или временная занятость владельца сельскохозяйственного предприятия в промышленности или других отраслях экономики (при оставлении за собой хозяйства и работе в нем по вечерам и в выходные дни) приняла очень широкий размах, причем число таких крестьян увеличивается. В последние годы официальная статистика многих стран ЕЭС была поставлена даже перед необходимостью ввести специальный учет таких хозяйств, которые не дают возможность владельцам существовать только за счет ведения сельскохозяйственного производства. Например, по данным правительственного доклада («Зеленый доклад»), составленного в 1974 г., в ФРГ из 968 тыс. хозяйств 553 тыс. (57% их общего количества) уже не обеспечивают получения необходимых доходов, и их владельцы трудятся на стороне. При этом владельцы 381 тыс. хозяйств (39% общего числа) получают основной доход не от сельского хозяйства, а от работы на стороне³⁹. Характерно, что к побочным заработкам прибегают даже владельцы довольно крупных хозяйств. Вообще поиски новых источников доходов за пределами сельского хозяйства — важная черта современного западноевропейского крестьянства.

Обращает на себя внимание быстрое расширение в последнем десятилетии количества хозяйств, где основным и главным доходом является уже не сельское хозяйство, а заработки на стороне (чаще всего в качестве наемного рабочего). Это современный сельскохозяйственный полупролетариат, который на Западе называют «рабочими-крестьянами», или «маятниками». Как правило, к такой категории относятся в большинстве случаев владельцы хозяйств размерами до 5 гектаров. Многие из них вынуждены бросать сельское хозяйство и переходить на работу в другие отрасли. В 1949—1971 гг. в ФРГ число таких хозяйств (размерами до 5 га) уменьшилось с 1,2 млн. до 508 тыс., то есть более чем в два раза⁴⁰. Тем не менее и до сих пор такие хозяйства составляют почти половину всех сельскохозяйственных предприятий страны. Сельский полупролетарий, или «рабочий-крестьянин», как социальное явление известен капиталистическому сельскому хозяйству давно. Однако вплоть до последних десятилетий в эту прослойку входили в основном владельцы мелких и мельчайших хозяйств, размеры которых, по общему правилу, не

³⁹ «Materialband zum Agrarbericht 1974 der Bundesregierung». Bonn. 1974, S. 196—197.

⁴⁰ «Statistisches Jahrbuch über Ernährung, Landwirtschaft und Forsten. 1973», S. 29.

превышали 1—2 гектаров. Снижение доходности в хозяйствах величинной до 5 га, вследствие чего их владельцы все чаще вынуждены получать основной доход от заработков на стороне, также свидетельствует об ухудшении условий экономической деятельности крестьянских хозяйств, обострении конкуренции, расширении полупролетарской прослойки в деревне.

Современный «рабочий-крестьянин» отличается от полупролетария прошлого века и материальными условиями жизни. В те времена сельский полупролетариат представлял наиболее нищие и неимущие слои деревни. Теперь, как показывают обследования буржуазных социологов, по размерам дохода на одного работника «рабочий-крестьянин» нередко стоит выше владельца довольно крупного хозяйства. Это объясняется прежде всего получением заработка в промышленности. Но положение «маятника» крайне неустойчиво. В периоды кризисов и безработицы именно «рабочие-крестьяне» в первую очередь выбрасываются на улицу под предлогом наличия у них другого источника доходов. В то же время хозяйство такого крестьянина не может обеспечить ему нормальное существование. «Маятники» выполняют, как правило, наиболее тяжелую и неквалифицированную работу в промышленности. Они подвергаются двойной эксплуатации: в качестве рабочих — со стороны промышленных капиталистов, в качестве крестьян — со стороны монополий, связанных с сельским хозяйством. Изменения в положении сельского полупролетариата имеют важное значение для укрепления позиций рабочих партий в деревне, расширения союза рабочего класса с крестьянством.

Серьезные перемены происходят и в других группах сельскохозяйственных производителей. С учетом постоянного перемещения классовых границ различных групп сельского населения можно провести следующие приближительные линии разграничения между социальными прослойками современного западноевропейского крестьянства. К мелкому крестьянству (вместе с сельским полупролетариатом) в странах ЕЭС в массе своей можно отнести владельцев хозяйств размерами до 10 гектаров. Именно группа хозяйств до 10 га в настоящее время подвержена наиболее сильному разорению. Средние крестьяне теперь обладают, как правило, хозяйством 10—20 га и более. Что касается крупного крестьянства, то теперь к нему следует относить владельцев хозяйств размером в 20—50 га и более. Перемещение границ социальных прослоек крестьян вызвано прежде всего тем, что с развитием государственно-монополистического капитализма повышается неустойчивость крестьянского производства и снижается рентабельность многих хозяйств. Отсюда в разряд мелкого и среднего крестьянства, наиболее эксплуатируемого монополистическим капиталом, попадает относительно большая масса производителей, чем это было в начале нашего века.

Качественные изменения произошли и в положении крупного крестьянства. Раньше крупный крестьянин выступал как кулак-мирод, имевший несколько батраков и беспощадно эксплуатировавший деревенскую бедноту посредством ростовщического кредита, ссуд и т. д. Ныне большинство крупных крестьян совсем не использует наемную рабочую силу и обходится только трудом членов семьи. Кроме того, они так же, как и другие группы крестьян, эксплуатируются монополиями, находятся во всеобщей зависимости от них в отношении сбыта продукции, поставок новой техники, получения кредита и т. п. Все это создает предпосылки для вовлечения крупного крестьянства в демократическое антимонополистическое движение. Так, если прежде зажиточные крестьяне, широко использовавшие наемный труд, враждебно относились к требованиям сельскохозяйственных рабочих о повышении зарплаты, то теперь в их интересах поддерживать такие требования, ибо увеличение зарплаты приведет к росту издержек производства в крупных хозяйствах, конкурирующих с крестьянским производством.

Серьезные перемены в социально-экономическом положении крестьянства дают основание коммунистам стран Западной Европы делать выводы о том, что в условиях технического прогресса и аграрной интеграции объективно улучшаются предпосылки для развертывания политической борьбы в деревне с участием в ней более широких масс трудящихся. По мнению французских коммунистов, «никогда еще, может быть, не были столь большими возможности вовлечь трудящееся крестьянство в борьбу рядом с рабочим классом за их требования, за мир, за демократию»⁴¹.

Ныне уже в значительной степени поколеблена та историческая особенность крестьянского движения в Западной Европе, когда оно на протяжении многих десятилетий проходило под знаком полной гегемонии городской буржуазии, имевшей в деревне прочную опору в лице кулачества и крупных земельных собственников. Хотя до сих пор большинство крестьян находится под идеологическим влиянием различных буржуазных партий, это господство выражено уже не так отчетливо. Недовольные гнетом монополий в демократическое движение включаются не только мелкие и средние, но также и крупные крестьяне, то есть все слои крестьянства, весь этот класс выступает союзником пролетариата в его антимонополистической борьбе.

В. И. Ленин относил крестьянство как целое к мелкобуржуазным слоям⁴². А мелкая буржуазия, подчеркивал он, постоянно колеблется между пролетариатом и крупной буржуазией, причем нередко способна (когда примыкает к пролетариату) выступать революционно даже против буржуазии. В условиях «Общего рынка» возникли предпосылки для того, чтобы крестьянство выступило на стороне рабочего класса в борьбе за проведение важных мероприятий по демократизации общественной жизни, ограничению всевластия монополий, улучшению экономического положения трудящихся.

Аграрные программы компартий западноевропейских стран предусматривают меры, рассчитанные на оказание помощи не только отдельным социальным прослойкам крестьянства, но и на облегчение положения этой группы населения в целом. Коммунистические партии, как это еще раз подтверждено парижской конференцией 1975 г., выступают прежде всего за то, чтобы улучшить положение самых обездоленных слоев сельского населения — сельскохозяйственных рабочих, мелких арендаторов и фермеров, владельцев мелких и средних хозяйств. Вместе с тем они выдвигают такие меры, которые выгодны всем слоям крестьян, требуя гарантировать цены на сельскохозяйственную продукцию, чтобы обеспечить справедливое вознаграждение за труд крестьянам, а также создать условия для наилучшего сбыта. Важное значение имеют требования снизить налоги в сельском хозяйстве и цены на промышленные товары, необходимые для этой отрасли, уменьшить задолженность крестьян, предоставлять им кредиты из низкого процента годовых. В настоящее время, подчеркивалось на парижской конференции коммунистических партий Европы (1975 г.), для любого шага в сторону демократии и социализма рабочий класс, работники умственного труда, трудящееся крестьянство и народные массы в целом должны стремиться к прочному боевому союзу. Это необходимо и для тех и для других. Причем подавляющее большинство земледельцев заинтересовано в объединении своей борьбы с борьбой трудящихся города для того, чтобы добиться выполнения собственных первоочередных требований.

⁴¹ «Проблемы мира и социализма», 1965, № 3, стр. 63.

⁴² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 390.